

18+

Мы отстаем
на 50-100 лет
от передовых стран.
Мы должны
преодолеть это
отставание
за ДЕСЯТЬ ЛЕТ.
Ибо мы это сделаем,
ибо нас сомнут.”
Сталин, 1931

Алмаз Браев

ЦИФРОВОЙ РУЛЕР

ЦИФРОВОЙ
РУЛЕР

СТАТУС
ДЕНЬГИ
ВЛАСТЬ
ЛОЯЛЬНОСТЬ
БЕЗ КОРНЕЙ

Алмаз Браев

Цифровой рулер

«Издательские решения»

Браев А.

Цифровой рулер / А. Браев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Reson — это радикальный диагноз эпохи,
порывающий с казенным туманом академической социологии. Книга
прослеживает путь человечества от первобытной архаики и племенных общин
до глобальной цифровой матрицы, управляемой невидимым оператором —
Цифровым Рулером.

© Браев А.

© Издательские решения

Содержание

ЦИФРОВОЙ РУЛЕР	6
Глава 1	7
Выпускной день	7
Глава 2	9
Опоры	9
Глава 3	11
Вечный Колизей	11
Глава 4	13
Родители	13
Глава 5	15
Школа	15
Глава 6	17
Цифровой рак	17
Глава 7	19
Между Францией и Германией войны не будет	19
Глава 8	21
Грубые и тонкие	21
Глава 9	23
Русское предательство. И японское	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Цифровой рулер

Алмаз Браев

© Алмаз Браев, 2026

ISBN 978-5-0071-4723-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЦИФРОВОЙ РУЛЕР

Digital Ruler

Человечество вступает в эпоху нового феодализма. Старые господа владели землёй, ресурсами и людьми. Новые господа владеют цифровой инфраструктурой, данными, капиталом, вниманием и доступом к будущему. Их власть не всегда выглядит как приказ: она проявляется в том, кого мы видим, кому доверяем и чьи мысли считаем значимыми.

Цифровой Рулер — это не только богатый предприниматель или технологический магнат. Это новая форма концентрации власти, в которой алгоритмы, деньги, популярность и человеческое стремление к статусу соединяются в единую систему управления видимостью.

Почему свободный человек добровольно ищет господина? Почему общество защищает тех, кто обладает властью, даже когда само остаётся зависимым? И почему борьба с одним феодалом так часто приводит лишь к появлению другого?

Опираясь на систему RECON, Алмаз Браев исследует связь между древними инстинктами борьбы, историческими иерархиями, рынком, технологическим прогрессом и цифровым господством. Автор рассматривает архитектуру видимости, рассеянного человека, добровольную вассальность и Digital Lawing — механизм, при котором свобода формально сохраняется, но возможность быть услышанным постепенно отнимается.

От Великого Инквизитора Достоевского до алгоритмических систем современности книга задаёт тревожный вопрос: действительно ли человек освободился от потребности в господине — или лишь создал более совершенные инструменты подчинения?

«Цифровой Рулер» — это исследование власти, денег, амбиций и человеческой природы, призванное раскрыть формирование цифрового феодализма и поставить вопрос о возможности архитектуры без господина.

Да, современный мир одержим иллюзией технологического прогресса и личной свободы. Но если снять с него цифровой глянец и геополитическую риторику, обнажается жесткая, архаичная механика, которую исследует эта книга.

Ресон — это радикальный диагноз эпохи, порывающий с казенным туманом академической социологии. Книга прослеживает путь человечества от первобытной архаики и племенных общин до глобальной цифровой матрицы, управляемой невидимым оператором — Цифровым Рулером.

Глава 1

Выпускной день

В июне, когда заканчиваются выпускные экзамены в школах, в городе проводится День выпускников. Это было еще в Союзе. Времена меняются вместе с памятниками- символами перед Администрацией, а ритуалы не меняются

Выпускников собираю перед акиматом на центральном проспекте города.

Торжественно зачитывают напутствие «в большую жизнь» от властей. Отмечают отличников. Выдают грамоты, значки, вешают наградные ленты.

От учителей, затем от выпускников выступают ораторы.

Выпускники, несколько пар, начинают танцевать вальс (специально обученных к этому делу. Раньше так было, сейчас не знаю)

Затем начинается что то типа гуляний.

От истока центрального проспекта до пересечения с другим центральным проспектом кафешки, летние кафешки, кафе мороженого выносят пластиковые столы — стулья, выставляют прохладительные напитки и мороженое само собой... Выпускники должны запомнить, как они выпустились в взрослую жизнь в эту ночь.

Утром по проспекту от истока до пересечения с другим проспектов везде валялся какой то мусор от этикеток и пластиковых бутылок, стеклянных бутылок от лимонада, пластиковых стаканчиков; еще не все столы убраны, еще не все стулья подняты. Но утро приходит всегда.

А вместе с ним и взрослая жизнь

Выпускники прикоснулись к новой вертикали

Таких вертикалей у юношей и девушек будет еще несколько:

Вертикалями называются все авторитеты по жизни:

Это родители (родня). Учителя: воспитатели, школьные учителя, дворовые авторитеты, школьные авторитеты хулиганы.

Затем наступает время авторитета власти вообще

Параллельно с авторитетом власти на молодых людей влияет авторитет идеологии (само собой) и официальной религии — духовная вертикаль (которая часто не сходится с внутренней духовностью)

И наконец, современная — цифровая вертикаль — самая сильная на сегодня, основа техно феодализма.

(У родителей выпускников было то же самое, кроме техно — феодализма. Потому что у родителей не было гаджетов. Поэтому родители верили во власть, в систему, в коммунизм (может быть), в бога (может быть))

Вообще людям нужна вертикаль. Они живут с ней всю жизнь. Людям надо на что то опираться.

=====

Времена меняются, смещаются акценты

Вот и гуляния разные проходят уже подальше от главного здания администрации.

Теперь, когда возвращаюсь с работы и иду домой через Парк президента — пройти невозможно просто.

Огромная и плотная толпа преграждает путь. Люди приходят семьями на разные гуляния и «дни металлургов». Приезжают звезды шоу и орут в микрофоны приветствия толпе, затем поют душевные, любовные и патриотические песни. Люди стоят и смотрят в большой монитор, где лица шоуменов и певцов светятся от удачи. Много мамаш с колясками, с грудничками —

в каждой руке по коляске. Некоторые молодые папашки держат грудничков на руках, чтобы видели шоуменов и певцов получше.

Это уже комбинированная вертикаль.

Но про каждую вертикаль мы поговорим отдельно.

ПС

Я не знаю, что случилось по жизни со всеми выпускниками. Будем надеется, что у них все сбылось, как они задумали.

Но торжество цифровой вертикали над всеми выпускниками мы зафиксируем с самого начала.

Глава 2

Опоры

Люди везде люди. Что 5000 лет назад, что сейчас

Люди появляются на свет и уже нужна вертикаль — на что опереться. Люди опираются на что угодно — не только на родителей, власть, религию — Бога, что сразу подтверждает вертикальность человеческой сущности. Люди опирались до этого на талисманы; на зубы — перья животных, на скальпы, даже черепа врагов. Пока власть и религия формировали свои формы, люди тренировались на том, чем располагали. Обожествляли горы, реки, небеса. Просили помощи и поддержки. Эти самые горы, реки, небеса со временем превратились в антропоморфного бога. Но со временем и такие боги, вместе с религиями не справлялись с запросами на опору.

Когда люди получали новые знания, они снова находили опоры в самих себя. Потому происходили революции и водружался воинственный атеизм.

Это все оттого, что вера в очередную опору шаталась.

До сего момента религия казалась абсолютной опорой. Ведь в религии была собрана вся мудрость прежних поколений, значит опыта прежних опор.

Мы должны понять, почему общество и человечество в целом отказывается от отживших вертикалей.

Поэтому вы вернемся сильно назад. И поймем на что это похоже

Мы начнем с Колизея.

Колизей — это символ могущества Рима

Многие жители Рима, не только граждане, даже римские опирались на могущество Рима — быть рабом у могущества, всемогущего господина всегда приятно. Многие «не граждане» мечтали в то время стать гражданами Рима. Со временем все не граждане стали гражданами. Но через несколько веков все развалилось. Рим пал. Латинский язык — язык мировых господ стал мертвым языком.

Рим как опора, как материальный символ вертикали перестал существовать — превратился просто в символ (этот символ могущества и своей власти использовали потом немцы и русские, чтобы укрепить свою немецкую и русскую вертикаль).

А пока

Раннее утро после великих игр. Солнце еще не поднялось высоко над холмами, но его бледный свет уже режет глаза, обнажая изнанку имперского триумфа.

Вчера здесь ревели десятки тысяч глоток. Сенаторы, плебеи, гладиаторы, торговцы и рабы слились в едином экстазе под рев фанфар и рел животных. Толпа требовала хлеба и зрелищ, и империя щедро отсыпала им и того, и другого. Правители сверху взирали на это море лиц, упиваясь своей властью над качающейся массой.

А теперь — тишина. И эта тишина оглушительнее триумфальных маршей.

Арена Колизея и прилегающие улицы усеяны тем самым пеной осевшего праздника. Под ногами лежат обрывки пурпурных лент, разбитые глиняные амфоры из-под дешевого вина, объедки жертвенного мяса, которые растаптывали сандалии ликующих зевак. Воздух густ от запаха пота, кислого вина, гари от факелов и тлена.

Уборщики-рабы уже снуют между рядами, сгребая в кучи мусор, грязь и пролитую кровь. Еще час назад здесь вершилась история, вершились судьбы мира, а сейчас это просто сточная канава для отходов человеческого восторга.

Праздник кончился. Толпа разошлась по своим норам, чтобы завтра с тем же усердием и страхом бежать за новой порцией зрелищ и искать новую вертикаль, которая укажет им, куда идти.

=====

Что мы видим в этой параллели?

Мы видим, что власть Рима искала солидарность у плебса, черни

Что вертикаль смазывалась слюнями и мусором толпы.

Но раствор из слюней и мусора после фестиваля очень непрочен, даже если миллион людей наследит грязными сандалями на вертикали. Обращение в низам есть уже трещина. Да, народы, простые люди всегда поддерживают власть своими жизнями и непритязательными сущностями: в конце концов солдат, пехоту набирают среди простых людей. И вертикаль зависит от солидарности власти с низами. Чем больше такой зависимости, тем явней сигнал, что старая вертикаль ложится набок, что она накренилась.

И если зависимость от хлеба и зрелищ будет все явнее, тем люди начнут искать новые опоры вертикали, — уже другой.

Глава 3

Вечный Колизей

Друг смотрит на голову — ищет вождя, экран с сияющим лицом поп-звезды или трибуну с чиновником, чтобы преклонить колени и найти опору.

Враг системы смотрит на ноги. Туда, где под подошвами праздничной толпы, среди обрывков наградных лент и утреннего пластика на проспекте валяется весь этот мусор, слюни и грязные сандалии.

Мы заходим в эту анатомию извне, в масках и с хитином на сердце, чтобы увидеть изнанку любого триумфа и любого же упадка (Хотя упадок нам важнее и поучительнее для зрителей шоу. Дураков слишком много. Алгоритмы создали мировой конвейер по штамповке)

Пока мы перечислили опоры, что история человечества — это история непрерывного поиска опоры. Пять тысяч лет назад человек цеплялся за перья, черепа врагов и священные горы. Когда горы замолчали, появились боги. Когда боги уступили место храмам, родилась государственная вертикаль. Менялись декорации, имена правителей и религии, но неизменным оставалось одно: человеку нужен тот, кто укажет ему дорогу, потому что горизонт без оси не держит психику.

И главный архетип этой зависимости — вечный Рим. Где этот Рим? Все дороги вели в Рим. Теперь мы пришли на развалины Колизея не просо туристами, а описателями.

Для миллионов людей римское гражданство было пределом мечтаний. Быть частью все-мощной империи, рабом великого господина, упиваться могуществом чужой власти казалось высшим благом. Империя давала плебсу хлеб и зрелища, щедро отсыпая наркотик коллективного восторга.

Современные алгоритмы дают людям такой же временный восторг. Но люди не подозревают, нет конечно они все знают, но им важно, что они наживают на дисплей в данную секунду — значит они мастера.

Итак, Колизей был алтарем этого союза. Десятки тысяч зрителей заполняли ярусы, ревели в едином экстазе, требуя крови и побед. И в кульминационный момент толпа чувствовала себя властелином мира. Достаточно было опустить палец вниз — *pollice verso* — и жизнь поверженного гладиатора обрывалась. Плебеям казалось, что они вершит судьбы, что они здесь хозяева.

Но это был самый изощренный обман матрицы. Настоящим хозяином арены был император. Он покупал их лояльность за бесплатное зрелище и чужую кровь, превращая свободных людей в управляемое стадо. Толпа упивалась мнимой властью, а империя крутила ими, как хотела.

А потом наступает утро.

Раннее утро после великих игр. Солнце еще не поднялось высоко над холмами, но его бледный свет уже режет глаза, обнажая изнанку имперского триумфа. Вчера здесь ревели десятки тысяч глоток, а сегодня — тишина. И эта тишина оглушительнее триумфальных маршей.

Арена Колизея и прилегающие улицы усеяны пеной осевшего праздника. Под ногами лежат обрывки пурпурных лент, разбитые глиняные амфоры из-под дешевого вина, объедки жертвенного мяса, которые растаптывали сандалии ликующих зевак. Воздух густ от запаха пота, кислого вина, гари и тлена. Уборщики-рабы уже снуют между рядами, сгребая в кучи грязь и пролитую кровь. Еще час назад здесь вершилась история, а сейчас это просто сточная канава для отходов человеческого восторга.

Праздник кончился. Толпа разошлась по своим норам, чтобы завтра с тем же усердием и страхом бежать за новой порцией зрелищ и искать новую вертикаль.

Рим пал. Латынь — язык мировых господ — стала мертвым языком. Камни Колизея превратились в руины.

Но история умеет отвечать на этот вызов. Пройдут века, и в декабре 1947 года потомки тех самых рабов, которых римские легионеры гнали под арками триумфа в цепях, пройдут под Аркой Тита в Риме. Пройдут не понурыми пленниками, а победителями. Римской империи давно нет, императоры и легионы сгинули в пыль, а евреи — есть.

Потому что любая вертикаль, опирающаяся на слюни и мусор толпы, временна.

Сегодня этот же фокус повторяется на наших глазах. Только вместо мраморных амфитеатров — центральные проспекты с пластиковыми стаканчиками после школьных выпускных и сияющие экраны смартфонов в Парке Президента, куда толпа приводит грудничков смотреть. Звезды попсы и шоу сами клоуны, но ведь они поют для нас!

Современный человек тыкает пальцем в экран, ставит лайки, «казнит» и «милует» кумиров в соцсетях и искренне верит, что он — хозяин цифровой повестки. Он думает, что управляет матрицей.

Но за этим мнимым величием скрывается новый, еще более беспощадный феодализм. Экран стал новым Колизеем. И когда гаснут софиты, на счетах независимых мыслителей остаются всё те же мертвые нули, а в сети — глухая тишина алгоритмических банов.

Толпа по-прежнему ищет Правителя. А система по-прежнему подсовывает ей новое шоу, оставляя на утро битый пластик и пустые экраны. Только будущие бутылки и пластик есть использованные люди. У них нет содержимого. А может там ничего и не было? Ведь не могут же многие из людей держать напряжение (из-за этого много разводов, когда нет опор, внутри пустота: «А пойдем сегодня на шоу? К нам приехала Дженнифер Лопес! Да-да это престижно! Не каждый может купить дорогой билет. Всем потом расскажем»)

Справка:

Тур Дженнифер Лопес по Центральной Азии в рамках мирового турне «Up All Night: Live in 2025» прошёл с 8 июля по 12 августа 2025 года. Певица выступила в Астане, Ташкенте и Алматы. В Казахстане концерты прошли 1 августа в Астане и 10 августа в Алматы. Выступление в столице Казахстана посетили около 10 тысяч туристов из более чем 30 стран, преимущественно из ближнего зарубежья и стран Европы и Азии. 10 августа Лопес собрала в Алматы на Центральном стадионе более 20 тысяч зрителей, включая гостей из свыше 35 стран.

В Узбекистане концерт Лопес состоялся 7 августа в Ташкенте на стадионе «Миллий». Он собрал около 31,1 тысячи посетителей, включая обслуживающий персонал, из которых 25 тысяч приобрели билеты. Выступления певицы стимулировали развитие туризма, гостиничной сферы, ресторанного бизнеса и пополнили бюджеты этих городов значительными налоговыми поступлениями.

Глава 4

Родители

Мы рискуем увязнуть в хрестоматийной психологии и семейных драмах, если забудем, о чем вообще пишем. Читателю нужны эти ступени — родители, школа, дворы, учителя, — только как ступени к неизбежному финалу.

Нам неинтересно разбирать детские травмы ради самих травм. Хотя у каждого почти человека травм хватает. Нам важно показать, как из забитого, испуганного домашнего животного, выросшего под родительским и школьным прессом, формируется то самое озлобленное, одинокое существо, которое не умеет стоять на собственной горизонтали, не способно выдерживать внутреннюю пустоту и гадит везде, до чего дотягивается его рука — будь то реальный проспект с пластиковым мусором или цифровой экран с помоями в комментариях. (В казахских современных семьях любят покладистых, даже излишне покорных, даже порой просто глупых. Таким покорным и где то даже недоразвитым покупают все, пытаются обеспечить всем. И на другом фланге характеров картина обратная: чем самостоятельней, с характером сын, тем есть большая вероятность недовольства. Собственно, откуда появилось слово казак? Это почти бродяга, без семьи, без поддержки рода. Только потом это слово обрело семантику благородного независимого, свободного джигита. Когда такие сыновья с характером как Моде шаньюй, или Чингисхан взяли власть сами, а не ждали подарка от рода. Амбициозный джигит — это опасность для родовой верхушки. Но сначала для собственного отца... Который не желает стареть и делится авторитетом)

Семья и школа — это просто первичная обработка материала. Мясорубка, которая ломает хребет горизонтальным связям, чтобы человек намертво врос в вертикаль. А дальше этот недобитый, одинокий потребитель штампуются миллионами, чтобы заполнить Колизей и оставить после себя кучи битого пластика. (Здесь мы конечно быстро перепрыгнули во времени. Ничего, так бывает)

Глобальный пол и первая ступень

Человеку нужна опора — это аксиома. Но система устроена так, чтобы выбить у него из-под ног любую горизонталь.

В идеальном мире социума человек мог бы опираться на горизонтальное: на ремесло, на привычку, на тепло другого тела, на честное плечо того, кто рядом. Опереться на пол, а не на шею вождя.

Но власть и вертикаль не терпят горизонтальных связей. Двое, которые поддерживают друг друга без санкции сверху — это уже угроза системе. Поэтому первая задача любой вертикали — разрушить горизонталь. Сделать так, чтобы человек разучился стоять на собственных ногах и искать опору в равных себе.

И первая вертикаль, с которой сталкивается новорожденный — это семья. Родители.

Это самая близкая, самая интимная и самая жестокая мясорубка. Ребенок появляется на свет абсолютно беззащитным комком плоти, и первые руки, которые берут его, — это руки родителей. Они же становятся первыми надсмотрщиками.

Родители не учат свободе. Родители учат выживанию внутри системы, передавая по наследству страх перед старшими, страх перед наказанием и привычку преклоняться перед тем, кто выше ростом и сильнее. Маленький человек еще не знает слова «государство», он еще не понимает, что такое «закон» или «партия», но он уже на уровне рефлексов усваивает главную матрицу: любовь нужно заслуживать подчинением, а защита гарантирована только тогда, когда ты целуешь руку дающего.

Семья — это миниатюрный Колизей, где отец с матерью исполняют роль императора и жрецов. Они решают, казнить или миловать, ставить палец вверх или вниз за вовремя съеденную кашу или четверку в дневнике.

Именно здесь закладывается фундамент будущего характера. Тот, кто не научился опираться на собственный пол в семье, будет до конца дней искать родителя в каждом начальнике, в каждом чиновнике, в каждом телеэкране и в каждом алгоритме.

Школа только закрепляет этот навык. Учителя достраивают этаж. Дворовая шпана и школьные авторитеты проверяют на прочность твой инстинкт стаи.

Но начинается всё с материнских рук, которые прижимают тебя к груди не для того, чтобы освободить, а для того, чтобы приучить к поводку. Конечно трудно так говорить про материнские руки. Но если мы говорим о первых опорах, которые нужны детям, мы также должны сказать про продукты в виде «маменькиных сынков». Когда сверх любовь матери превращается в слабость характера и отсутствие субъектности. Когда в семье неполные, нет отцов, в современном мире это важно. Потому что подросток ищет вертикаль всегда.

«Кто сильнее меня?» «Кому принадлежать?» «Кого уважать?» «Кого бояться?» «Кому доказать, что я сам сильный?»

Глава 5

Школа

Семья только надломила хребет, заставила занести ногу над поводком, но окончательно загоняет человека в стойло государственная машина. И первое ее звено — школа.

Хотя школа — это не стойло и не госмашина, а храм (о советской школе у меня самые лучшие воспоминания)

Школа это храм знаний бесспорно, как его называли еще древние греки. Но это еще и первая фабрика по стандартизации молодых сердец. Здесь учителя выявляют глубокие души и скорость мышления учеников. Самым способным обещается великое будущее. (ха-ха-ха. Я всегда преклонялся перед школьным учителем как таковым. Когда я заканчивал школу, профессия учитель уже тогда была непрестижной. Хотя они старались привить нам чувство красоты. Мы уже были достаточно циничными детьми. Мы уже разбирались, что на самом деле «красиво». А уже следующие поколения наши подозрения подтвердили. И родили совершенно циничных детей рынка. В свое время я не делал домашнего задания от слова совсем: приходил со школы, бросал портфель и шел играть в хоккей, затем на следующий день приходил и списывал у отличниц — они давали мне списать. При этом, надо сказать, я учился на отлично. Дети детей рынка уже не дают не только списывать, но и говорят, какие были задания. В трубку еще не слышно: «Плати за информацию!» Но торгашеский дух уже заполнил воздух.

Любого ребенка не зря выдергивают из семейного гнезда. Чтобы он не вырос дикарем и познал жизнь вместе со всеми. Какие требования взрослым, такие и детям. Поэтому школы появились еще в Древней Греции. И греки распространили свои гимназии по все империи Александра Македонского. По всему миру, наверное, кроме Индии и Китая учительство связывали с общественной организацией. Философа сократа казнили за то, «что плохо влияет на молодежь», например. Нужно ли говорить, чему учили детей спартанцы? (А некоторые иудеи восстали, что в греческих герусиях заставляли раздеваться до гола из-за физического культа тела)

Потому в школах всегда присутствует некий спартанский дух

Ребенка впервые выдергивают из привычного (пусть и удушливого) семейного гнезда и бросают в казарму с партами, звонками и классными журналами. Здесь начинается официальная дрессировка. Государство не скрывает своих целей: ему не нужны мыслящие особи, способные опереться на собственный пол. Ему нужны шестеренки, которые будут крутиться в строго заданном направлении, ровно в восемь утра занимать свои места и послушно поднимать руки по команде надсмотрщика в юбке или строгом костюме.

Странное описание тоталитарного предбанника — вы не находите?

Такой суровый вход во взрослую жизнь как художественное оформление жесткости самой системы. Если система жесткая, тоталитарная, идейная, то и выпускники обязаны петь гимны на выходе и на входе.

В школе идейности стирается последняя искра индивидуальности. Каждый урок — это урок подчинения.

Тебя учат не думать, а угадывать правильный ответ, который уже заготовлен в методичке чиновника от образования. Тебя учат бояться красной пасты в тетради, как взрослого страха перед налоговой или полицией.

Тебя приучают к тому, что твое личное мнение ничего не стоит, если оно не совпадает с параграфом учебника.

Оценка становится главным мерилom твоей ценности. Пятерка — ты хороший раб, заслужил сахар. Единица или двойка — ты бракованная деталь, изгой, которого можно травить коллективно.

И здесь же, параллельно с учителями, за дело берется дворовая стая. Школьный двор и коридоры — это мини-модель того самого Колизея, куда ребенок попадает без защиты родителей. В этой стихийной иерархии мгновенно рождается своя жестокая микро-вертикаль: есть вожак (отмороженный или наглый хулиган), есть их приближенные прихлебатели и есть серая масса изгоев, которых бьют за то, что они не похожи на остальных.

Ребенок быстро понимает закон джунглей асфальта и классной доски: либо ты лижешь сапог сильному, либо тебя втаптывают в грязь. Горизонтальная солидарность здесь убивается на корню. Дружба в школе — это часто союз против кого-то третьего.

К моменту получения аттестата перед нами уже не живой человек, а полностью готовый полуфабрикат. Он выучил главное правило системы: выживает тот, кто громче всех кричит вместе со стаей, преклоняется перед старшим по званию и послушно сдает себя в аренду первому же хозяину.

Школьный аттестат — это та же наградная лента через плечо. Только выдают ее не за победу в жизни, а за то, что ты успешно прошел курс молодого бойца и готов добровольно занять свое место у подножия очередной вертикали.

Это описание подходит к переходному этапу от тоталитаризма к демократии. Когда вместо слова «верь» постепенно водружается слово «плати». И тогда все, когда были браком, имели отметки «2» или «3» становятся передовиками наоборот. Новая вертикаль подхватывает бракованные детали и делает их эталоном своих узлов крепления. «Кто был последним, станем первым» — слова из Библии.

Каждая новая вертикаль созревает не сразу, иногда требуются века, иногда десятилетия: в последнее время созревание новых опор для масс ускорилось из-за технологического рывка. Потому от зрелищ в Колизее до падения Рима понадобилось несколько веков, а для падения СССР всего два поколения.

Троцкий в 1936 году писал про школы Сталина: *«Здоровым молодым легким невыносимо дышать в атмосфере лицемерия... На каждое слово критики бюрократия отвечает тем, что выворачивает шейные позвонки. Все выдающееся и непокорное в рядах молодежи систематически уничтожается, подавляется или физически истребляется»*.

В 1991 году СССР развалился вполне себе естественно.

Хорошо запомнил, как в начальных классах вошла неизвестная учительница и сказала почти печально: «Троечники будут директорами и руководителями» Типа вам, отличники, ничего не светит. Так и оказалось. Троечник — по сути не только отстающий в скорости мышления и глубине, но в приспособлении он беспринципный. Ему не важно, какая идея на дворе, он отменнейший выживальщик. Потому бизнесменами стали...

Вертикаль всегда жесткая. Потому ей нужны только провинциалы.

Они воспитаны в семьях подчиняться, уважать старших.

Это вовсе не означает, что вертикаль из послушных и беспринципных такая прочная. Этот всего лишь требование рынка — для людей, народов, его не создавших и не переживших все ужасы рыночного созревания

Глава 6

Цифровой рак

Вы знаете о существовании рака — неизлечимой болезни.

Современные люди подвержены этому роковому недугу.

А эскулапы пытаются лечить внешней химией — материалистический подход слабых людей.

Был ли рак в Древнем Море или не был, — скорее всего не был. Но что бы люди не умирали от рака, то есть без опоры и смысла жизни, приходили пророки.

Все прошлые века проблема смысла жизни решалась вертикалью. Опору находили в служении семье, роду, родне, вождю, царю, государству, богу. Если убрать самую главную часть списка — все, конец, был человек -нет человека (у меня здесь подписались на меня 8, а забанили 39 пользователей. При том, что 340 статей из 340 перепечатывались другими редакторами. В том то оно, что интересно. Я переживаю, что у 39 были психосоматические толчки, когда они посмотрели в зеркало)

У каждой системы, у каждого трона и каждой башни есть свой предел, свой жесткий периметр, у которого толпится бесконечная очередь желающих ухватиться за заветный поручень. Но когда они наконец протискиваются наверх, сменяя старых держателей, они с изумлением обнаруживают, что держались за пустоту. Какими же наивными они были!

Талисман больше не работает, когда случается первая серьезная неудача. Бог теряет авторитет при первой же вопиющей, кричащей несправедливости, когда невиновного распинают, а мерзавец торжествует. Власть девальвируется до отвращения от вида любого мелкого чиновника-взяточника, торгующего казенной печатью. И в этот момент вчерашний адепт смотрит на руины своей веры с омерзением: *«И в это мы верили?!»*

Ведь у каждого инструмента изначального выживания была своя циничная функция:

Талисман был нужен только для того, чтобы сплотить стаю и одолеть соседнее племя.

Бог придумывался для того, чтобы упредить амбициозных родственников и удержать безумие сородичей.

Ритуал служил лишь демонстрацией серьезности иерархии, чтобы ни у кого не возникало вопросов перед глубиной вождя.

Но новый, пробужденный разум больше не играет в эти старые, ветхие игры. Ему тесно в чужих мифах, ему нужно самому утвердиться, доказать свою правоту, проломить стену.

И отсюда рождается этот всеобщий паралич неудовлетворенности, пронизывающий все этажи рухнувшего мира:

Политики — оппозиционеры спиваются от злости и бессилия, потому что их скинули с корыта, а наверх не пускают — наверху слишком тесно для всех алчущих.

Артисты пьют водку ведрами в гримерках, рыдая оттого, что главную роль играет кто-то другой, а софиты светят не на их морщины.

Ученые пишут тома диссертаций, пока дома им изменяют жены, открывая горькую правду о том, что формула не спасет от одиночества.

Главная травма — один на один с сами собой. Когда опора вызывает сомнение. На что опереться?

Миллионы людей уходят на тот свет глубоко, невыносимо недовольными. Эта экзистенциальная неудовлетворенность и есть глубинная тоска по утраченной опоре, которую ничем нельзя заглушить.

И как страшный, медицинский и метафизический итог этого тупика — рак для миллионов. Когда тело человека больше не может выносить фальшь, когда психика отказывается держать чужую вертикаль, а душа разрывается от лжи, клетки начинают взрываться изнутри, пытаясь построить свою собственную, дикую, безумную автономию.

И в прошлые времена появлялись люди...

Нет, не люди. Не совсем люди

Они приходили с миссией новой опоры.

Мы так плавно переходим к вере, затем религии, как основной опоре человеческой смысловой надобности. Людям слабым нужны боги, лучше Бог. Богу нужны отчаявшиеся, чтобы с ними создать новую вертикаль опор.

Современному человеку трудно верить. Он слишком верит сам в себя. Когда случается непредвиденное и он теряет жизненные опоры — разочаровывается, тогда приходит...

И Цифровой Рулер пришел, чтобы таких внезапно прозревших в свою бессмысленность оказалось сразу миллионы — миллиарды.

Глава 7

Между Францией и Германией войны не будет

У предателей всегда много объяснений. Каждое предательство они пытаются обставить как «высокий выбор» или заявить чужим голосом, что обвинения — это просто «штампы» и вы ничего не понимаете.

В этом смысле проект RECON идет навстречу предателям. Не для того, чтобы обелить их мерзость, а чтобы показать механику: старые предательства всегда готовили новые. А новейшие предательства уже давно расписаны и оцифрованы Цифровым Рулером, который сидит на вершине этой пирамиды и смеется над суетой слабых людей.

Прежде чем разбирать опоры цивилизаций окончательно, взгляните в глаза французскому интеллектуалу Жан-Полю Сартру. Что вы видите на его портрете?

Правильно. Народная мудрость веками твердит: глаза — зеркало души. И если у человека на фасаде запечатлен этот вечный внутренний раскол и косоглазие оптики, то и вся его философия — лишь оправдание распада.

Так вот: никакая война между французами и немцами по старым лекалам сегодня невозможна в принципе.

Я спорил с искусственным интеллектом, когда собирал черновики этой главы. Грок с умным видом выдавал мне либеральную методичку для успокоения обывателей: мол, НАТО создавалось вовсе не против СССР, а как пацифистский проект — *«чтобы не было войны между Германией и Францией»*. Какая стерильная ложь для тех, кто не видит изнанки геополитического театра!

Война невозможна не потому, что лидеры в Брюсселе стали пацифистами. А потому, что у них физически не осталось для войны главного горючего — людей с вертикалью в позвоночнике.

Конечно, не все французы и немцы смотрят на мир глазами Сартра. Но те, кто формирует эту массу, глядят на реальность именно так — косо и расфокусировано. У них выжжены любые консервативные опоры. За века революций, колониальных экспансий и глобализации они раскидали свои гены по миру, превратившись в безродных космополитов-индивидуалистов. Они выросли в тепличной стерильности родительской заботы, не зная подлинной экзистенциальной боли.

Именно поэтому их главная религия сегодня — психоанализ. Они бесконечно ковыряются в собственных «внутренних стрессах», превращая терапию в узаконенный наркотик, который идеально сочетается с отвлекающим сексом и культом личного комфорта.

Когда целое поколение вырастает на психоанализе и гедонизме, оно не умирает за окопы. Каждый думает только о себе.

Именно во имя себя любимых их элиты сегодня истошно кричат о «русской угрозе» и нагнетают милитаристский психоз. Это ровно такая же технократическая технология, как и крики периферийных националистов. Западные временщики кормят военные бюджеты не из веры в демократию. Они отдают судьбу мира на волю слепого случая ради одной-единственной цели — золотого парашюта.

Им нужно досидеть до отставки, получить свои миллионы от фондов, устроиться в советы директоров корпораций и встретить старость на швейцарских озерах. Вокруг все горит синим пламенем, а они медитируют и гладят свое тело на лазурных берегах — каково, а?

И вот тут круг замыкается.

С одной стороны — изнеженная западная элита на золотых парашютах, превратившаяся в чистый рыночный пластик. С другой — крикливые провинциальные выскочки, использующие архаичные скрепы как грязный таран для личного обогащения. Ни у тех, ни у других под ногами нет никакой подлинной опоры. Личность заменена симулякром, а люди повсюду оставляют после себя только ментальный мусор.

Именно поэтому они становятся идеальным, бессловесным сырьем для того, кто уже занял пустующий трон. Для того, кто пришел собирать урожай разочарованных масс, когда старые вертикали окончательно превратились в пыль.

Для Цифрового Рулера.

Он видит всё, потому что заглядывает в самую изнанку. Человечество веками меняет опоры. То, что вчера казалось святым и сакральным, завтра неизбежно покажется наивным детским заблуждением.

Для нормального человека резкая смена ориентиров выглядит как грязное предательство. А если смотреть на мир через «косые глаза» Сартра, то предательство — это просто логичная замена стгнивших декораций.

У каждого народа на данный момент свои опоры. И все они дружно идут в это рыночное косоглазие, ведомые своими ушлыми элитами, которым сверху ласково шепчут: *«Сегодня у нас в тренде архаика и крикливые акыны... Но косоглазие мы тоже уважаем».*

Глава 8

Грубые и тонкие

Итак, есть условно грубые народы. И есть нежные, тонкой конструкции. Грубые народы создавали по истории империи, затем у наследников имперских правителей души утончались, через некоторое время империи распадались на более мелкие «мысли» — какие есть всегда у натур утонченных, но не грубых. У самых цивилизованных фракций вперед выходили философы — более мелкие по глубине и охвату мироздания субъекты, чем пророки (пророки появлялись в империях, точнее на стыках слишком разных культур и миров, в основном в Восточной части Средиземноморья Малой, на стыках Европы и Азии). Если совсем упрощать появление философов.

В общем и целом у культурных народов и общин впереди идут философы, чтобы укрепить общины, дать им следующие опоры. В некоторых случаях данные общины расплзаются, часть людей мигрирует и распространяет новости философов, передают условным дикарям или грубым общинам о том что есть тонкие; в грубых общинах эти новости запоминают и у них тоже появляются нежные лидеры, но это на самом деле не нежные люди, по подражающие нежность.

С другой стороны мигранты расплзаются по миру не для того чтобы нести какие то вести — они бегут в другую сторону в поисках лучшей жизни. Они бегут со дна своих нежных общин, поэтому тоже вроде бы грубые, но они не грубые, а циничные — расчетливые.

Если мы соединим бегство расчетливых мигрантов, соискателей лучшего для жизни места нежных общин, то получится эволюция поклонения мировой валюте. Ведь почему мигранты нежных все же бегут в лучшую для них сторону?

Чтобы это представить, как деньги — это не просто мерило стоимости, а самый массовый случай первых мест. Ведь люди бегут прежде всего оттого что все условно элитные места на старой площади заняты: на малой родине они никто и лишены наследства. На старой площади давно живут кланы саддукеев, фарисеев, баронов, герцогов, графов. А на новом материке все равны, никому особо не интересно, откуда ты сбежал. Поэтому мерилем элитарности становятся деньги — будущая валюта для всех остальных грубых народов с подражающей тонким культурным народам элитой.

Прошу представить пьедестал почета любых спортивных состязаний: там есть три почетных места — самая высокая «золотая» ступенька первого места и две по бокам — серебро и бронза. Это классическая консервативная конструкция. Больше трех спортсменов на ней не поместится.

А денежно- валютный пьедестал совершенно другой.

На макушку почеты могу попасть сразу тысячи, сотни тысяч, миллион победителей. И тут же сойти — уступить новым олигархам -чемпионство.

Вот почему все грубые общины и народы тянутся непросто к нежным нациям с философами, а к прежде всего к расчетливой нации американцев — изобретателей золотой миграции и денежного валютного чемпионства.

Отсюда элиты грубых народов периферии где нет никаких философов, есть уважение авторитаризма, — жесткие системы с негласной традиционной иерархией и подчинением выглядят подражающими тонкостью. Они лицемерят. Как внутри, за улыбками чиновников нет никакого уважения пресловутых «личностей», есть страх потерять пост, с которого кормится каждый чиновник пользуется уважением у родни и знакомых, что может решать вопросы,

потому что вся верхняя элита не просто носит невидимые фраки тонкой нации, но и хранит у тонких и расчетливых свои деньги.

Глава 9

Русское предательство. И японское

Я заметил одну вещь, что несмотря на отделенность русские и японцы в чем то схожи. Это и стало причиной конфликта 1904 -1905 гг. Обе нации подошли к конфликту концентрировано. Они «недавно» сделали рывок, провели модернизацию, прыжок к «тонкости» и «изыществу» рынка в начале 20 века. Были ли у самураев философы, не знаю (по логике RECON рядом с воинами философов быть не может, — кто может представить задумчивого человека у индейцев? Думает всегда исключительно вождь. И думает не о мироздании, а о выживании своего народа. Хотя у японцев самурай должен быть немного философом — такова японская традиция. Каллиграфия без философии не работает. Кто рисует иероглифы, старается, тот философствует)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.